

БЕСЪДА СЕДЬМАЯ.

Въ разговорѣ со мной и Карамазовыми, возникшемъ по поводу прочитаннаго Синайскимъ изложенія воззрѣй блаженнаю Августину на сущность времени, Сократъ сперва дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, относящихся къ этимъ воззрѣніямъ, потомъ поддерживаетъ ту мысль, что міръ въ его дѣйствительномъ бытіи безвремененъ и, наконецъ, указываетъ, что правильное понятіе вѣчности вовсе не состоитъ въ продолженіи чего либо въ теченіи безконечного времени, а въ мысли о бытіи, изъ содержанія котораго совершенно устраниено время и которое не имѣетъ никакою отношенія къ времени.

Въ Четвергъ ¹⁾, наканунѣ того дня, въ который мы уговорилисьѣхать съ Карамазовыми въ Царское Село, я, отобѣдавши у однихъ знакомыхъ, часу въ восьмомъ по-полудниѣхъ почти мимо дома, въ которомъ жилъ Сократъ, и вздумалъ зайхать къ нему и спросить, не зайдеть ли онъ завтра утромъ ко мнѣ по дорогѣ на вокзалъ Царско-Сельской желѣзной дороги. Въ передней его квартиры я слышалъ голоса, раздававшіеся въ его комнатѣ, и, взойдя туда, увидалъ Сократа въ обществѣ Карамазова и Синайскаго. Повидимому, Синайскій что-то читалъ или приготовлялся

¹⁾ См. конецъ „Бесѣды“ 6-й въ № 2 „Своего Слова.“

читать по какой-то, лежавшей передъ нимъ, исписанной бумагѣ. Когда я поздоровался со всѣми присутствовавшими, то Сократъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „вотъ, и вы кстати подошли къ намъ. Мы собрались послушать (указывая на Синайскаго) Петра Семеновича, который хотѣлъ сдѣлать намъ краткое изложеніе мыслей одного изъ великихъ учителей и отцовъ христіанской церкви и въ то же время одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей древней философіи, блаженнаго Августина, о времени. Взглядъ на время этого христіанскаго философа будетъ, какъ мнѣ кажется, составлять поучительную *интродукцію* къ нашей бесѣдѣ о томъ же предметѣ.“

Синайскій. Къ объясненію Сократа Ивановича я долженъ добавить, что изложеніе, которое я сейчасъ прочту вамъ, я сдѣлалъ по его же иниціативѣ и совѣту. Мысли блаженнаго Августина о времени находятся въ его знаменитой „Исповѣди“ въ XI-й книгѣ. Эта книга вмѣстѣ съ двумя за нею слѣдующими составляетъ какъ бы особое приложеніе къ „Исповѣди“, въ десяти книгахъ которой Августинъ разсказываетъ исторію своихъ заблужденій, когда онъ былъ въ язычествѣ, и потомъ исторію своего обращенія въ христіанство и крещенія. Этимъ собственно онъ и заканчиваетъ разсказъ о себѣ. Съ XI-й книги онъ уже начинаетъ истолкованіе книги Бытія о міротворенії. Въ философское же разсужденіе о времени блаженный Августинъ вдается по поводу возраженій нѣкоторыхъ противниковъ христіанства, которые въ своихъ спорахъ возражали противъ повѣствованія книги Бытія о сотвореніи міра концунственнымъ вопросомъ: „что дѣлалъ Богъ въ то время, пока еще не сотворилъ неба и земли?“ Если Онъ оставался „въ праздности и совершенномъ покой“, то почему не остался въ немъ и навсегда, если же Онъ вдругъ началъ создавать то, чего прежде не творилъ, то какъ объяснить перемѣну въ Его волѣ, т. е., что прежде не было Его воли творить, а въ известное время вдругъ она началась? Отсюда дѣлали выводъ, что воля Божія не имѣть признака вѣчной тождественности и подлежитъ перемѣнѣ; а отсю-

да, конечно, дѣлались заключенія и противъ самой субстанціальности Бога. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что разсужденія блаженнаго Августина о времени и вообще толкованіе его на книгу Бытія, хотя и имѣютъ своимъ содержаніемъ иной предметъ, чѣмъ „Исповѣдь,“ но по формѣ они вполнѣ составляютъ ея продолженіе: и здѣсь такъ же, какъ и тамъ, блаженный Августинъ какъ бы вступаетъ въ духовную бесѣду съ Богомъ, постоянно переходящую въ молитву. Еще я долженъ замѣтить, что въ своемъ изложеніи я пользовался переводомъ „Исповѣди“ блаженнаго Августина, помѣщеннымъ въ „Трудахъ Киев. Духовн. Академіи“¹⁾.

„Вопросъ о сущности времени и о его значеніи блаженный Августинъ считаетъ на столько труднымъ, что, не смотря на всѣ умственныя усилія человѣка въ его рѣшеніи, истина Божія, по образному выраженію христіанскаго учителя, „посмѣется“ надъ истиной человѣческой. Поэтому онъ постоянно обращается къ Богу съ молитвою, чтобы Онъ самъ былъ для него „путеводпо звѣздою“ въ рѣшеніи этого вопроса. Затрудненія, которыя видѣть блаженный Августинъ въ вопросѣ о времени, состоятъ въ слѣдующемъ: *первое и самое главное* заключается въ невозможности выразить *сущность времени* или опредѣлить, что оно такое. Нѣть ничего обыкновеннѣя у людей, говоритъ онъ, какъ разговоры о времени, въ которыхъ мы, повидимому, очень хорошо понимаемъ, что оно такое, но какъ скоро прямо поставятъ этотъ вопросъ, то „я прихожу въ затрудненіе и не знаю, что отвѣтить.“ Камень преткновенія составляетъ *постоянная изменяемость* времени и его переходъ изъ настоящаго въ прошедшее и изъ будущаго въ настоящее, а между тѣмъ съ этимъ переходомъ тѣсно связана и судьба всяческаго существованія. „Если-бы ничего не проходило,“ разсуждаетъ Августинъ, „то не было-бы прошедшаго, и если-бы ничего не приходило, то не было-бы будущаго, и если-бы ничего

¹⁾ См. Творенія блаженнаго Августина. Киевъ, 1880 г.

не было действительно существующаго, то не было бы и настоящаго времени." Значитъ, съ настоящимъ неразрывно связана и существующая действительность, которая однако вмѣстѣ съ этимъ настоящимъ каждое мгновеніе перестаетъ существовать, стремится къ небытію. Но если-бы настоящее никогда не переходило изъ будущаго въ прошедшее, тогда оно не было-бы и временемъ, а вѣчностью. Спрашивается, въ чёмъ же заключается и какъ мы можемъ приписать действительную сущность настоящему, если основаніе его, т. е., прошедшее, есть небытіе, да и вообще оно стремится къ небытію?

"Второе затрудненіе, конечно, тѣсно связанное съ первымъ, состоитъ въ невозможности найти продолжительность времени и какъ-либо измѣрить ее. Разумѣется, мы говоримъ про *долое* и *короткое* время въ прошедшемъ и будущемъ, но можно-ли говорить о продолжительности того, что не существуетъ? Если прошедшему можно приписывать продолжительность, то развѣ только на основаніи предмета, который наполнялъ его и давалъ ему свойство продолжительности; но когда не стало этого предмета, то прошедшее, само по себѣ, не могло быть ни долгимъ, ни короткимъ, слѣдовательно, наши обычные разговоры о продолжительности прошедшаго совершенно не точны. „Можно кажется," говоритъ Августинъ, „сказать только, что прошедшее время было продолжительно, когда было настоящимъ." Значитъ, возможность какой-либо продолжительности и, слѣдовательно, ея измѣренія принадлежитъ опять таки настоящему. Но что же составляетъ *продолжительность настоящаго времени?* Пробуя обозначить эту продолжительность различными употребляемыми единицами времени, какъ напр.: столѣtie, годъ, день, часъ и т. д. и видя, что онѣ не могутъ ее обозначить, потому что, по своему свойству дѣлиться безъ конца на части, ведутъ все къ менышеi и менышеi продолжительности настоящаго времени, блаженный Августинъ приходитъ къ заключенію, что развѣ только *неуловимыя мгновенія* (momenta) можно было-бы назвать настоящимъ временемъ. Но эти неуловимыя мгно-

венія не имѣютъ уже *никакой* продолжительности. Наконецъ будущее время, если и можетъ имѣть какую-нибудь продолжительность, то только тогда, когда оно станетъ настоящимъ, а настоящее, какъ мы сейчасъ видѣли, вовсе ея не имѣетъ. Между тѣмъ мы все таки измѣряемъ продолжительность временъ и сравниваемъ ихъ между собой, „но развѣ только въ шутку,“ замѣчаетъ блаженный Августинъ, „можно измѣрять то, чего нѣтъ.“

„Однако на необходимомъ, повидимому, выводѣ изъ этихъ соображеній, т. ге., что время есть какое-то несуществующее ничто, или что оно исчезаетъ въ ничто, блаженный Августинъ остановиться не можетъ, ибо „какимъ-нибудь, хотя бы и непостижимымъ для насъ образомъ прошедшее и будущее существуютъ.“ Вѣдь, есть же какое-либо основаніе, когда люди говорятъ о чёмъ-либо прошедшемъ, какъ о дѣйствительно существовавшемъ, или когда не только пророки предсказываютъ намъ будущее, но и простые люди предвидятъ его. Какъ предвидѣніе будущаго, такъ и разсказы о прошедшемъ, напр., о своемъ дѣтствѣ, были-бы совершенно невозможны, если-бы что-либо не дѣлало прошедшаго и будущаго настоящими! Это недоумѣніе блаженный Августинъ разрѣшаетъ тѣмъ, что прошедшее и будущее *существуютъ*, какъ настоящее, *въ нашей душѣ*. О прошедшемъ говоримъ мы на основаніи „образовъ, оставшихся въ души въ видѣ слѣдовъ чувственного воспріятія и представляемыхъ памятью,“ а будущее предсказывается на основаніи образовъ, представляющихся намъ, какъ возможность, также въ настоящемъ. Послѣ этого соображенія для Августина становится совершенно яснымъ, что собственно не существуетъ трехъ временъ и что съ точностью можно говорить только объ одномъ настоящемъ и выражаться такъ: настоящее прошедшаго и настоящее будущаго. „Въ нашей душѣ есть три формы воспріятія, соответствующія тремъ несуществующимъ временамъ: а) *память* или *воспоминаніе* (*memoria*) для настоящаго прошедшихъ предметовъ, б) *созерцаніе* или *воззрѣніе* (*intuitus*) для настоящаго настоящихъ предметовъ и с) *чаяніе* или *надежда* (*expectatio*) для настоя-

щаго будущихъ предметовъ.“ Разумѣя время въ этомъ смыслѣ, можно, по блаженному Августину, употреблять не точный, но обычный нашъ способъ выраженія о трехъ временахъ.

„Разрѣшеніе вопроса о сущности времени тѣмъ, что истинное существованіе его заключается не въ насъ, а въ нашей душѣ, помогло Августину выйти изъ другого затрудненія, именно по вопросу о продолжительности времени и ея измѣреніи. Но прежде чѣмъ формулировать рѣшеніе этого втораго вопроса, блаженный Августинъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоего мудреца, что время есть ничто иное, какъ *движение небесныхъ тѣлъ*. Мнѣніе это онъ устраняетъ тѣмъ, что не только время *не есть* движение тѣлъ, но что, напротивъ, оно есть необходимое условіе для пониманія и измѣренія движенія небесныхъ тѣлъ: солнца и т. п. Если бы продолжительность времени зависѣла отъ движенія небесныхъ тѣлъ, то значитъ, продолжительность нашихъ сутокъ, т. е., 24-хъ часовъ, зависѣла бы отъ длины или краткости оборота солнца, такъ что если бы суточный оборотъ солнца совершился въ одинъ только часъ, то и продолжительность нашихъ сутокъ тѣмъ самымъ вдругъ какъ-бы стала короче въ 24 раза. Да же, небесное тѣло, напр., солнце, могло-бы въ своемъ движеніи остановиться, но теченіе времени никакъ-бы отъ того не остановилось. Такъ, когда, по молитвѣ Иисуса Навина, остановилось солнце, то время не останавливалось въ своемъ теченіи, ибо въ продолженіе того времени, когда солнце стояло, Иисусъ Навинъ успѣлъ довершить свою победу надъ непріятелемъ. Наконецъ, для измѣренія движенія небеснаго тѣла нужно не только теченіе времени, но необходимо, чтобы намъ было известно еще и *пространство, откуда* началось и *гдѣ* окончилось это движеніе. Изъ этихъ и другихъ соображеній блаженный Августинъ заключаетъ вообще, что мы измѣряемъ движеніе тѣлъ временемъ, которое есть само по себѣ „нѣкоторое дѣйствительное протяженіе (*certa quaedam distentio*).“ Но теперь спрашивается: „какъ же измѣряется это протяженіе времени? – такъ-ли же, какъ мы измѣряемъ протяженіе пространства, т. е., большее протяженіе

пространства измѣряемъ менѣшимъ? когда, напр., мы протяженіе долгихъ слоговъ измѣряемъ протяженіемъ слоговъ короткихъ?“ Но очевидно, что такое измѣреніе не дало бы намъ вѣрнаго понятія о томъ, что мы измѣряемъ, ибо короткій слогъ можно, вѣдь, произнести гораздо медленнѣе, и тогда въ долгомъ слогѣ не выйдетъ двухъ короткихъ. Значитъ, „въ чёмъ же заключается протяженіе измѣряемаго времени и где оно находится?“

„Существенная разница между измѣреніемъ пространства кратчайшимъ пространствомъ же и измѣреніемъ времени посредствомъ кратчайшаго времени состоитъ въ томъ, что какъ измѣряемое, такъ и измѣряющее времена проходятъ и исчезаютъ каждое мгновеніе. Значитъ, единственная возможность того факта, что мы сравниваемъ и измѣряемъ одно время другимъ, заключается въ томъ, что мы измѣряемъ „не самые предметы, которые проходили и прошли безвозвратно,“ а присущіе въ душѣ образы, оставшіеся отъ впечатлѣній, которыя сдѣлали на насъ предметы. Только этимъ способомъ возможно измѣрять не только прошедшія времена, но и будущія. Прошедшее измѣряемъ мы въ душевныхъ актахъ воспоминанія и вниманія, (соответствующаго созерцанію, возврѣнію, intuitus), а будущее—въ актахъ ожиданія и того же вниманія. „Не будущее время, котораго нѣть еще, длинно,“ говоритъ блаженный Августинъ, „но длинно будущее въ его ожиданіи; равнымъ образомъ, не прошедшее время, котораго нѣть уже, длинно, но длинно прошедшее по воспоминаніямъ о немъ.“

Здѣсь Синайскій остановился и, какъ бы вызывая взглядомъ согласіе слушателей, сказалъ: „я окончилъ мое изложеніе разсужденія о времени блаженнаго Августина. Теперь остается только упомянуть о выводѣ, который онъ дѣлаетъ изъ своего разсужденія и который для него и составляетъ цѣль, ради которой оно только и предпринято. Выводъ этотъ выраженъ въ формѣ обращенія и молитвы къ Богу—вразумить тѣхъ людей, которые своимъ возраженіемъ вызвали Августина на изслѣдованіе этого труднаго вопроса. Мѣсто это такъ хорошо, это я позволю себѣ предложить вамъ

его буквально: „Ты вѣченъ, Господи, Боже мой, а я подлежу пре-
емственности временъ, коихъ сущность и распорядокъ непостижимы
для меня. Мысли мои—эта, такъ сказать, утроба души моей
болѣзненно раздирается тревожною перемѣнчивостью этихъ временъ,
и я въ этомъ смятеніи не успокоюсь дотолѣ, доколѣ жизнь моя,
огнемъ любви Твоей, какъ въ горнилѣ, искушаемая и очищаемая,
не погрузится всецѣло въ объятія Твои, и я соединюсь съ Тобою.
Тогда я пребуду въ Тебѣ и не поколеблюсь въ истинѣ Твоей, не-
преложной и неизмѣнной, въ томъ образѣ своемъ, по которому Ты
создалъ меня. Тогда не станутъ болѣе смущать меня суетные во-
просы людей, болѣе любопытныхъ, нежели здравомыслящихъ, ко-
торые вопрошаютъ: „Что же дѣлалъ Богъ до сотворенія Имъ неба
и земли? и откуда пришло Ему на мысль приступить къ творенію,
тогда какъ прежде ничего не творилъ?“ Творче и Вседержителю!
вразуми ихъ и даруй имъ здраво мыслить о томъ, о чёмъ гово-
рятъ; даруй имъ познать, что слово „прежде“ неприложимо тамъ,
гдѣ нѣтъ времени, и самыя слова ихъ, что „Ты прежде ничего не
твориль“, не имѣютъ иного значенія, кромѣ того, что твореніе
Твое *не во времени*. Да уразумѣютъ они, что никакого времени
не могло быть прежде творенія, а съ твореніемъ явились и самыя
времена. Пусть же перестанутъ пустословить, а лучше размышля-
ютъ о томъ, чтобы *простираясь въ предняя* (quaes ante sunt), *по-
знать и постигнуть Тебя*, Который, будучи предвѣчнымъ Твор-
цомъ всѣхъ временъ и всего существующаго, предваряешь всѣ вре-
мена и превыше всего, такъ что ничто Тебѣ не совѣчно, ни вре-
мена, ни твари, хотя бы даже предположить какія-нибудь изъ нихъ
и превыше временъ.“

Когда Синайскій прочелъ это и замолчалъ, то Карамазовъ,
обращаясь къ нему, сказалъ: „отъ всей души благодарю васъ,
Петръ Семенычъ, за то, что вы такъ обстоятельно познакомили
меня съ такой хорошей вещью, которой я не зналъ. Хотя я и не
чуждъ духовной литературы, но, какъ мы обыкновенно привыкли
гоняться за новымъ, такъ и я въ этой области почитывалъ болѣе

сочинений известныхъ современныхъ представителей христіанской церкви. Конечно, я слышалъ и зналъ, что блаженный Августинъ — одинъ изъ знаменитыхъ отцовъ церкви, но не зналъ, что онъ такой глубокомысленный философъ. Теперь я непремѣнно познакомлюсь съ нимъ поближе. Но въ настоящую минуту меня весьма интересуетъ вопросъ: *сходитъ ли на сколько сходитъ учение блаженнаго Августина о времени съ воззрѣніями современной философіи?*

Синайскій. Къ сожалѣнію я здѣсь не могу быть вамъ полезнымъ, ибо, сколько я знаю, вопросъ о времени есть одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ во всей философіи, отъ того или другого решенія котораго зависитъ и решеніе всѣхъ я проблемъ. Я же не знаю ни исторіи этого вопроса, ни современного его состоянія, а потому и не могу сдѣлать оцѣнки разсужденія блаженнаго Августина. Значитъ, намъ остается въ этомъ обратиться за помощью Сократа Ивановича.

Сократъ. Что вы, Богъ съ вами, Петръ Семенычъ! Куда-жь мнѣ взять на себя такую непосильную задачу. Конечно, по благосклонности моего начальства, которое не возлагаетъ на меня особенно тяжелыхъ обязанностей по службѣ, я имѣю время для чтенія толстыхъ философскихъ книгъ, которыхъ такъ не любить Петръ Єомичъ Калгановъ. Но отъ этого до *надлежащаго знакомства* съ исторіей вопроса о времени и со всѣми современными воззрѣніями на этотъ предметъ слишкомъ далеко, и въ пору развѣ какомунибудь профессору философіи, да и то не всякому. А я просто *«мобітель просвѣщенія»*, какъ въ моей молодости называли въ на-смѣшку людей, которые понюхали университета, но курса въ немъ не кончили.

Карамазовъ (обращаясь къ Сократу). Но однако вы знакомы съ учениемъ блаженнаго Августина о времени и можете сказать о немъ ваше мнѣніе?

Сократъ. Ну, это другое дѣло! Мнѣніе объ изложенныхъ сей-часъ размышленіяхъ блаженнаго Августина, основанное на нѣко-

торомъ весьма неполномъ знакомствѣ съ исторіею и съ современ-
нымъ состояніемъ вопроса о времени, я имѣю; и если вамъ это
угодно, то сейчасъ же и выскажу его.

„Во-первыхъ, судя по глубинѣ высказанныхъ блаженнымъ Августиномъ размысленій о времени, нельзя не пожалѣть, что онъ не разработалъ этого вопроса специально съ точки зрењія фило-
софской науки и тѣмъ не способствовалъ ей раньше выбраться въ
немъ на вѣрную дорогу. Произошло это, конечно, отъ того, что
побужденіе у великаго учителя христіанской церкви къ его изслѣ-
дованию о времени исходило не изъ философско-научнаго, а изъ
религіозно-богословскаго интереса. Всего важнѣе ему было опро-
вергнуть ложное мнѣніе, по которому божественная субстанція и
ея дѣятельность подлежала времени и какъ-бы зависѣла отъ него,
что и сдѣлано было блаженнымъ Августиномъ, по моему, вполнѣ
удовлетворительно и неопровержимо. Затѣмъ мнѣ кажется, что блаженныи Августинъ не только ближе всѣхъ древнихъ, но даже и
новыхъ философовъ до Лейбница и Канта, подошелъ къ тому воз-
зрѣнію, что время не существуетъ само по себѣ, или, какъ говорятъ,
объективно, но что оно существуетъ въ душѣ человѣческой,
или, какъ говорятъ, субъективно, что, по моему, точнѣе было бы
выразить такъ: что время полагается актомъ представлениія и мы-
шленія человѣческой субстанціи. Впрочемъ, въ этомъ пунктѣ я на-
хожу у блаженнаго Августина нѣкоторую неясность. Онъ еще не
вполнѣ рѣшительно придаетъ времени одно только субъективное
значеніе, и до извѣстной степени смотритъ еще на него съ точки
зрењія *догматическою реализма*, по которому время есть какъ-бы
какой-то сосудъ, наполняемый событиями или явленіями. Далѣе блаженныи Августинъ не выдерживаетъ строго субъективности време-
ни и въ томъ, что какъ-бы приписываетъ особую реальность на-
стоящему времени; но, вѣдь, и настоящее время есть время, а по-
тому и не реально. Настоящее не можетъ быть мыслимо само по
себѣ, помимо прошедшаго и будущаго и безъ отношенія къ нимъ.
Что блаженныи Августинъ не вполнѣ освободился отъ реальности

времени, по крайней мѣрѣ, настоящаго, по моему, всего яснѣе видно изъ того, что когда у него настоящее дѣлается прошедшимъ, т. е., превращается въ ничто, то съ нимъ какъ-бы раздѣляеть эту участъ и самый міръ, наполнявший это настоящее....

Карамазовъ. Извините, я не совсѣмъ понимаю ваши послѣднія слова. Мнѣ кажется, что міръ, наполняющій время, вообще подле-житъ закону времени. Вѣдь, мы говоримъ же о временно-простран-ственномъ мірѣ; значитъ, понимаемъ его зависящимъ отъ времени!

Сократъ. Тутъ все дѣло въ томъ, какой міръ мы будемъ разу-мѣть подъ этимъ выражениемъ: представляемый нами матеріальный или истинный? Этотъ представляемый нами міръ, конечно, зависитъ отъ времени, потому что въ представлениѣ его входитъ время, какъ элементъ. Но за то онъ, въ смыслѣ представляемаго міра, есть всегда ничто, даже и въ настоящее время. Истинный же міръ, или міръ субстанції не зависитъ отъ времени: онъ *безвремененъ* по своей сущности, потому что время помимо акта мысли и предста-вленія субстанції не имѣтъ никакого смысла и полагается только ими. Вотъ этотъ-то пунктъ и не совсѣмъ ясенъ у блаженного Августина, который, какъ мнѣ кажется, думаетъ, что время соз-дано Творцомъ на подобіе того, какъ созданы имъ субстанції, т. е., что оно само подобно субстанціямъ. Точно, по моему, съ точки зрењія блаженного Августина нужно было-бы сказать такъ: Тво-рецъ создалъ субстанції, души, способныя полагать время и по-нимать события міра во временномъ порядкѣ.

Карамазовъ. Значить, по вашему, про міръ падобно сказать, что онъ *безвремененъ*? Что же слѣдуетъ понимать подъ этимъ вы-ражениемъ?

Сократъ. Да, міръ самъ по себѣ *безвремененъ*. Понимать это нужно такъ, что въ мысли о бытіи и сущности дѣйствительного міра мы должны совершенно устраниТЬ время и никакимъ обра-зомъ, ни явно, ни скрытно, не вводить его въ наше понятіе міра, слѣдовательно, должна быть устранина и та мысль, что *дѣйстви-тельность* міра соотвѣтствуетъ настоящему времени. Точно также

должно избѣгать приписывать міру какую-либо временную продолжительность или измѣряемость. Это послѣднее станетъ совершенно яснымъ, когда мы вспомнимъ, что временная продолжительность чего-бы то ни было можетъ быть измѣряема временною же продолжительностью. Такъ, напр., продолжительность существованія на землѣ горы Монблана можно измѣрять продолжительностью сотенъ, тысячъ, миллионовъ лѣтъ или оборотовъ солнца. Но временную продолжительность міра вовсе нельзя измѣрять, потому что *внѣ его нѣтъ ничего* такого, продолжительность чего могла-бы служить для него мѣрою или масштабомъ.

Карамазовъ. Значить, въ какомъ же смыслѣ нужно употреблять терминъ *вѣчности*?

Сократъ. Именно въ сейчасъ указанномъ смыслѣ *безвременности* или *внѣвременности*, т. е., вѣчно то, къ чему вовсе неприложима категорія времени....

Я. Извините, господа, если я позволю себѣ вмѣшаться въ вашъ разговоръ и выяснить себѣ вѣкоторыя мысли моего любимаго философа, Шопенгауэра, относящіяся къ вашей бесѣдѣ. И онъ въ высказанномъ сейчасъ Сократомъ Ивановичемъ смыслѣ разумѣеть понятіе вѣчности, т. е., какъ *противоположность времени* и при этомъ упрекаетъ въ недомысліи тѣхъ, которые подъ вѣчностью разумѣютъ *безконечное время*. По его мнѣнію, это понятіе вѣчности или *внѣвременнало бытія* вошло въ философію со времени Канта. Однако, какъ помнится мнѣ, Шопенгауэръ въ одномъ мѣстѣ его сочиненій предостерегаетъ, что въ употребленіи этого понятія нужно быть очень осторожнымъ, потому что при этомъ понятіи можно нѣчто мыслить, но однако нельзя представлять ничего реальнаго, такъ какъ въ основаніи этого понятія нѣтъ никакого *созерцанія*. Если принять въ соображеніе, что, по Шопенгауэру, только созерцаніе относится къ реальности, а продукты абстрактнаго мышленія ея не имѣютъ, далѣе, если принять еще во вниманіе, что Шопенгауэръ говоритъ, что понятіе вѣчности есть только *отрицательное* понятіе, то какъ будто выходитъ, что всякое вѣчное, внѣвременное

или безвременное бытие слѣдуетъ понимать не реальнымъ, не дѣйствительнымъ. Что вы скажете на это, Сократъ Ивановичъ?

Сократъ. Однако вы, Платонъ Михайловичъ, съ вашимъ Шопенгауэромъ поднимаете ужъ очень головоломные вопросы! Шопенгауэръ совершенно вѣрно говоритъ о понятіи вѣчности, что подъ него не должно подсовывать понятія безконечнаго времени, составляющаго одинъ изъ важнѣйшихъ камней претыканія и соблазна въ области философскаго мышленія; хотя нельзя согласиться съ нимъ въ томъ, что будто-бы это правильное понятіе вѣчности вошло въ философію только съ Канта; по моему, оно уже довольно ясно высказано и у Спинозы. Что же касается до положенія Шопенгауэра, что дѣйствительно или реально только то, что дано въ созерцаніи, то въ этомъ пунктѣ я послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній рѣшительно разошелся какъ съ Шопенгауэромъ, такъ и съ его руководителемъ, Кантомъ, послѣ того какъ долго шелъ за ними и съ ними. Но обстоятельное разъясненіе этого вопроса потребовало-бы отъ насъ нѣсколькихъ вечеровъ, а потому я теперь могу высказаться только суммарно¹⁾, въ самыхъ общихъ положеніяхъ. Подъ опытомъ, въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого термина, я разумѣю нѣчто иное, чѣмъ Кантъ, у котораго это понятіе употребляется многосмысленно и неточно, въ чемъ вслѣдь за нимъ погрѣшаетъ и Шопенгауэръ. Я разумѣю подъ опытомъ первоначальную, неясно сознаваемую, дѣятельность ума или мышленія, соединяющаго элементы простого, непосредственнаго сознанія, а именно: сознанія своего собственнаго существа (субстанціи) или Я, его дѣятельностей и ихъ объектовъ или продуктовъ—название *ad libitum*. Это простое и непосредственное сознаніе не соответствуетъ ни „созерцаніямъ“ (*Anschauungen*) Канта, ни „представленіямъ“ (*Vorstellungen*) Шопенгауэра, которыя составляютъ нѣчто

---

¹⁾ Позволю себѣ рекомендовать читателю мою книгу: „Генезисъ и проч.,“ гдѣ въ главахъ VII и VIII онъ найдетъ критику понятій о времени и пространствѣ у Канта.

Прим. ред.

сложное и въ произведениі которыхъ участвуетъ разумъ и мышление. Между тѣмъ Кантъ и Шопенгауэръ думаютъ разумѣть подъ опытомъ нечто первоначальное, или непосредственные факты сознанія, а въ дѣйствительности разумѣютъ нечто вторичное. Конечно, въ опытное познаніе входятъ, какъ его основанія, эти простые элементы сознанія, но ихъ однако нельзя, въ строгомъ смыслѣ, назвать *познаніями*. Они суть только первоначальное сознаніе; и только когда наша познавательная мыслящая дѣятельность начинаетъ относить эти элементы одинъ къ другому, то и начинается образованіе того, что въ точномъ смыслѣ можетъ быть названо познаніемъ. Различные виды познавательной дѣятельности, какъ напр., представлениѣ, мышленіе, воображеніе или фантазія, умозаключеніе и проч., въ различныхъ степеняхъ ясности и правильности этой дѣятельности и созидаются ту область объектовъ, которые называются вещами, предметами, представленіями, понятиями и проч., и которые составляютъ познаваемый нами міръ. Пространство и время вовсе не принадлежатъ къ этимъ первоначальнымъ элементамъ сознанія и вовсе не суть чистыя созерцанія a priori, какъ называетъ ихъ Кантъ. Они суть весьма сложного происхожденія дедуктивныя понятія; а кантовы созерцанія a priori суть ничто иное, какъ продукты фантазіи, которая изъ этихъ понятій дѣлаетъ, по моему, тѣ *безконечные чудища*, которыя смущали и смущаютъ философовъ и даже самого Канта. Хотя Шопенгауэръ и Кантъ считали пространство и время и міръ, подлежащи имъ, субъективными или несуществующими, а дѣйствительно существующею считали: Кантъ — „вещь въ себѣ“, а Шопенгауэръ — „волю“, но, по непослѣдовательности, у нихъ на дѣлѣ выходило такъ, что подлинную реальность нужно было признать только за явленіями въ пространствѣ и во времени. Такъ у Канта „вещь въ себѣ“, непознаваемая и недѣйствующая, ничѣмъ не разнится отъ ничего и сводится на одно пустое слово, а вся реальность переходитъ къ явленіямъ. Реальность же Шопенгауэрской „воли“ также сводится только къ ея времененнымъ проявленіямъ, т. е., къ то-

му, другому, третьему хотѣнію, обусловленному временемъ и данному въ немъ. Безвременная же воля безъ субстанціи оказывается только абстракціею, которая, по Шопенгауэрской теоріи познанія, вмѣстѣ со всѣми другими абстрактными понятіями не имѣетъ реальности, а есть только одинъ пустой значекъ. Предпославъ эти замѣчанія, развитіе и всестороннее доказательство которыхъ считайте пока за мною, я могу отвѣтить на сдѣланный мнѣ вами, Платонъ Михайловичъ, вопросъ тѣмъ, что вѣчность или безвременность вовсе *не есть* только отрицательное понятіе. Оно отрицательно по отношенію къ понятію времени, но съ этимъ отрицаніемъ можетъ быть тѣсно связано какое-либо положительное содержаніе, такъ напр.: вѣчное бытіе можетъ быть мыслимо съ точки зрѣнія категорій: качества, количества, отношенія, субстанціи и проч. Но однако мы теперь отложимъ нашу бесѣду до завтра, потому что все сказанное нами можетъ быть интересно и для нашихъ собесѣдниковъ, здѣсь неприсутствующихъ. Одобряете-ли вы, господа, мое предложеніе?

На это мы согласились и стали расходиться. Прощаясь со мною Сократъ объяснилъ, что не можетъ зайти за мною утромъ, такъ какъ обѣщалъ Катеринѣ Ивановнѣ отправиться вмѣстѣ на вокзалъ.

му, другому, третьему хотѣнію, обусловленному временемъ и данному въ немъ. Безвременная же воля безъ субстанціи оказывается только абстракціею, которая, по Шопенгауэровой теоріи познанія, вмѣстѣ со всѣми другими абстрактными понятіями не имѣеть реальности, а есть только одинъ пустой значекъ. Предполагавъ эти замѣчанія, развитіе и всестороннее доказательство которыхъ считайте пока за мною, я могу отвѣтить на сдѣланный мнѣ вами, Платонъ Михайловичъ, вопросъ тѣмъ, что вѣчность или безвременность вовсе *не есть* только отрицательное понятіе. Оно отрицательно по отношенію къ понятію времени, но съ этимъ отрицаніемъ можетъ быть тѣсно связано какое-либо положительное содеряніе, такъ напр.: вѣчное бытіе можетъ быть мыслимо съ точки зрѣнія категорій: качества, количества, отношенія, субстанціи и проч. Но однако мы теперь отложимъ нашу бесѣду до завтра, потому что все сказанное нами можетъ быть интересно и для нашихъ собесѣдниковъ, здѣсь неприсутствующихъ. Одобряете-ли вы, господа, мое предложеніе?

На это мы согласились и стали расходиться. Прощаюсь со мною Сократъ объяснилъ, что не можетъ зайти за мною утромъ, такъ какъ обѣщалъ Катеринѣ Ивановнѣ отправиться вмѣстѣ на вокзалъ.